

УДК 394.912

М. О. АКИШИН

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: Akishin-MO@yandex.ru

ШЕРТОВАНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ ПРИ ПРИСОЕДИНЕНИИ К РОССИИ *

Проведен международно-правовой анализ шертования народов Сибири при принятии ими подданства России. В контексте шертных грамот и записей, данных России правителями Касимовского, Крымского, Казанского и Астраханского ханств, Ногайской орды, башкир, народов Северного Кавказа, рассматриваются шертные грамоты сибирского хана Ереняка, хантыйских и мансийских князей XV–XVI вв. Проведен анализ шертования народов Сибири казакам Ермака. Рассмотрена деятельность Посольского приказа по выработке процедуры принятия в подданство народов Сибири и практика ее применения в Якутии, Бурятии, Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. Устанавливается, что шертование было результатом международных переговоров об условиях принятия суверенными правителями коренных народов Сибири российского подданства и оформлялось шертными грамотами и записями – неравноправными международными договорами. В последующем международно-правовые обязательства коренных народов Сибири инкорпорировались в национальное законодательство России. Проведен анализ гарантий шертных записей – шерты как сакральной клятвы и захвата аманатов (заложников).

Ключевые слова: Россия, Сибирь, международный договор, шерть.

Включение территории и народов Сибири в состав России было бы невозможно без определения взаимных прав и обязанностей сторон, участвовавших в этом процессе, и их внешнего выражения в международно-правовых актах. В теории международного права выделяются следующие основные формы выражения его норм: договор, обычай и односторонние акты государств (акты обязательства, признания и протеста).

Конкретизируя эти теоретические положения применительно к правовым формам отношений России с народами Сибири, следует сделать две оговорки. Во-первых, в ходе процесса присоединения Сибири начался диалог цивилизаций и культур народов, слабо знакомых друг с другом, а международно-правовые обычаи не успели сформироваться. Во-вторых, в XV–XVII вв. русская дипломатия заимствовала у тюркских народов особую форму установления взаимных прав и обязанностей – шертные грамоты и записи.

Как установил М. Бережков, «слово “шерть” происходит от арабского “шэрт”, означающего “условие, договор”, потом в татарское время принявшего у нас значение “клятвы, присяги”» [1894. С. 4]. В XV–XVII вв. шертными грамотами и записями регулировались отношения с Касимовским, Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, Ногайской ордой, калмыками, башкирами, народами Северного Кавказа, Казахстана и Сибири.

Вопрос о сущности шерты является дискуссионным. М. Бережков выяснил, что в отношениях с Крымом шертные грамоты стали использоваться не позднее 1474 г. и дал им следующее определение: шерть «суть подтвержденные присягой грамоты крымских ханов с его приближенными на верное соблюдение известных обязательств пред московскими государями. Это не собственно договоры, а односторонние обязательства именно с крымской стороны» [Там же. С. 5]. В. В. Трепавлов считает, что

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00386а).

«официально шертные соглашения оставались двусторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему» [2007. С. 137].

Дискуссия о сущности шертования народов Сибири продолжается уже несколько столетий. Г. Ф. Миллер исходил из позиции, согласно которой международное право появляется в Европе только в середине XVII в. Процесс присоединения Сибири он рассматривал как завоевание Россией, частью цивилизации Европы, непросвещенных народов Азии. Отсюда, шертование он считал только актом, по которому народы Сибири переходили в «прямое холопство» московскому государю [1999. С. 166, 294].

Теория завоевания Сибири была воспринята И. Э. Фишером, П. А. Словцовым, В. К. Андриевичем, П. Н. Буциным и др. Впрочем, уже И. Э. Фишер стал отходить от интерпретации шерты как клятвы на «прямое холопство» российскому самодержцу. Он впервые выдвинул положение о том, что принесение шерты вело к вассальной зависимости [1774]. Последняя позиция оказала заметное влияние на советских историков Л. П. Потапова [1953. С. 166], П. Е. Тадыева [1959. С. 47] и др.

Принципиально новый подход к исследованию шерты сформулировал С. В. Бахрушин. В работе «Енисейские киргизы XVII в.» ученый установил, что князья «Киргизской земли» с начала установления отношений с Россией исходили из принципа равноправия. В 1680 и 1684 гг. киргизы добились заключения шертных договоров на условиях «оборонительно-наступательного союза». Анализ этих договоров привел С. В. Бахрушина к выводу о том, что в них закреплялся «принцип суверенной равноправности киргизского князца и московского государя» [1955. С. 219, 220].

В последующем понятие шерты было уточнено историком-правоведом М. М. Федоровым. Он доказал, что шерть народов Восточной Сибири «представляла собой особый вид источника права», и рассматривал ее как нормативно-правовой акт, «который закреплял права и обязанности аборигенов» [1978. С. 24]. В. Н. Иванов на основе исследования присоединения Якутии к России пришел к выводу о том, что «шерть можно приравнять к договору, фиксирующему определенные условия о взаимных

обязанностях; а обряд шертования – к процедуре подписания этого договора» [1999. С. 73].

Концепция, согласно которой шертование – это процедура принятия юридического акта с нормативным содержанием, позволяет применить к его изучению не только методы исторического познания, но и юридической науки. Такая постановка проблемы предполагает решение ряда задач: во-первых, установление фактов на основе методов этнографического и общеисторического исследования; во-вторых, квалификация собранных фактов на основе методологии юридической науки.

Приведение к шерты народов Сибири началось после распространения в 1478 г. на территорию Новгородской республики полной юрисдикции московского государя. В XIII–XV вв. власть Новгорода распространялась на Югорскую землю, включая княжества остяков и вогулов Северо-Западной Сибири [Грамоты Великого Новгорода..., 1949. С. 9]. После покорения Новгорода московский великий князь Иван III для закрепления Югры под своей властью направлял туда ратных людей. В походах 1483 и 1499 гг. русские ратники захватывали городки местных князей и брали их в плен, собирали дань на обширной территории по Тоболу, Иртышу и Оби. Оба похода закончились мирными переговорами и шертованием местных князей [Алексеев, 2007. С. 274–277].

После похода 1483 г. в Москву прибыл «от всея земли Кодские и Югорские» вогульский князек Пыткей. Он привез поминки от кодских князей и просил великого князя освободить пленных югорских князей. Его просьба была удовлетворена. В конце 1484 г. кодские князья Молдан, Сонга и Пыткей прибыли из Зауралья под стены Усть-Вымского городка и заключили с епископом Филофеем и местными вымскими князьками мир «на том, что им лиха не смыслити, ни силы ни чинити над пермскими людьми, а великому князю правити во всем». Князья скрепили мир священным обрядом – «со золота воду пили». После похода 1499 г. князцы Югорской земли признали верховенство московского государя и были приведены «к роте по их вере» [Полное собрание русских летописей, 1977. С. 125; 1982. С. 49; Разрядная книга..., 1977. С. 56; Бахрушин, 1955. С. 152].

Отношения с Сибирским ханством также оформлялись процедурой шертования. В сентябре 1555 г. в Москву прибыли послы сибирского хана Едигера для переговоров о военном союзе в обмен на согласие хана стать вассалом московского самодержца и платить ему дань «со всякого черного человека по соболу». Переговоры с сибирскими послами затянулись почти на три года, так как русская сторона настаивала на дани в 30 тыс. соболиных шкур в год, а татарские послы старались снизить эту ставку. Наконец, русская сторона согласилась на дань в 1 000 соболей. В сентябре 1557 г. Едигер прислал в Москву шертную грамоту, в соответствии с которой «обязывался быть у царя в холопстве и платить каждый год всю дань беспереводно» [Полное собрание русских летописей..., 2000. С. 248, 276, 285; Сборник Русского исторического общества..., 1887. С. 478–480].

«Сибирское взятие» Ермака сопровождалось приведением к шерти покоренных народов, о чем сохранились свидетельства в Есиповской и Погодинской летописях: «...царство Сибирское взяша и царя Кучюма и с вои его победиша, под его царскую высокую руку привели многих живущих тамо иноземцов, тотар, и остяков, и вогулич, и прочия языцы, и к шерти их по их вере привели многих, что быть [им] под его царскою высокою рукою до веку, покамест изволит Бог вселенной стояти, и ясак им давати государю по вся лета без переводу, на русских людей зла никакова не мыслити. А которые похотят к государю в ево государскую службу, и тем бы его государская служба служить прямо и недругом его государским не спускати, елико Бог помощи подаст, и самем им не изменить, к царю Кучюму и в ыные орды и улусы не отъехать, и зла на всяких русских людей никакова не думать, и во всем правом постоянстве стоять» [Полное собрание русских русских летописей..., 1987. С. 57, 85, 111, 123, 133.].

Косвенно факт того, что Ермак и его казаки приводили к шерти покоренные народы, подтверждает фольклор хантов. В одной из записей говорится: «Остяки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришел, то наш вождь встретился с ним, встали друг напротив друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружье: тот нашему ружье, а наш – лук». Согласно другой записи, «когда Ермак пришел в Айполово, решил не трогать остя-

ков, а дать им решить: покориться или воевать. В Айполово семь шаманов собрались и сказали своему народу: “Дайте нам семь дней подумать!” Посовещались с богом и решили подчиниться и платить дань» [Материалы по фольклору..., 1978].

Поход Ермака не был санкционирован московским самодержцем, de iure он являлся частной войной. Кроме того, Ермак не имел образцов шертных грамот и записей. С. У. Ремезов в конце XVII в. следующим образом описывал процедуру, которую применяли ермаковские казаки при приведении к шерти: пятидесятник положил на стол окровавленную саблю и велел «целовати за государя царя, что им (татарам. – М. А.) служить и ясак платити по вся годы, а не изменить» [Сибирские летописи, 2010. С. 333].

Но уже в 1584 г. результаты этого похода были признаны царем. Послу к римскому императору Лукьяну Новосильцеву предписывалось говорить о том, что поход Ермака являлся справедливой войной против Кучума, расплатой за нарушение им подданства и «непослушание». Факты шертования Едигера и Кучума позволяли заявить, что сибирские «цари» «бывали из рук государей наших», а сам Кучум был «посажеником» Ивана IV. О походе Ермака послу следовало говорить: «И государя нашего отец за это непослушанье велел на него итти из Перми казаком своим волжским и казанским и астороханским с вогненным боем. И те казаки, пришед, царство Сибирское взяли, людей многих побили, а царь побежал в Казатцкую орду. И ныне государь наш послал в Сибирь воеводу своего, и сидят в Сибири государевы люди, и Сибирская земля вся, и Югра, и кондинской князь, и пелымской князь, и вогуличи и остяки, и по Оби по великой реке все люди государю добили челом и дань давать почали» [Памятники дипломатических сношений..., 1851. Стб. 922].

Поход Ермака поставил перед русской дипломатией сложные задачи: во-первых, определение условий, на которых вошли в состав России покоренные Ермаком народы; во-вторых, выработка механизма и форм приведения в подданство новых сибирских «землиц». Именно в этих условиях управление Сибирью было поручено Посольскому приказу. Для решения поставленных задач в нем были проведены переговоры с плененной татарской знатью и сибирскими князьями.

В 1580–1590-х гг. на переговоры в Москву ездили ляпинский князь Лугуй (1586), князя Васпукольской волости Игичей Алачев и его брат Онжа Юрьев (1594). Они принесли шерть на подданство московскому самодержцу и получили от него жалованные грамоты. В них гарантировались права сибирских князей на управление и суд в их владениях, самостоятельный сбор ясака на царя при условии верности ему. Подобные переговоры позднее проводились в Москве и с остяжскими князьями Пегой орды (1602 и 1607–1610 гг.), князем евштинских татар Тояном (1604 г.) [Миллер, 1999. С. 278–279, 297, 306, 337–338, 353, 400–401, 423].

В 1598/99 г. в Посольском приказе была разработана и включена в указы сибирским воеводам особая часть – «жалованное слово», которая стала правовой основой для оформления подданства народов Сибири. Прибыв на место службы, воевода должен был зачитать «слово» от имени самодержца русскому и ясачному населению. В «слове» подтверждалась необходимость соблюдения «ясашными людьми» шерти, чтобы они «служили, прямили, и во всем добра хотели... на чем ему, государю, шерть дали». Обязанности князцов и «лутчих людей» заключались в наблюдении за платежом ясака и предотвращением «шатости и воровства» соплеменников. Интересно, что в «жалованном слове» преступное деяние («лихое дело», «воровство») рассматривалось как нарушение шерти, а не закона.

Соблюдению обязанности подданства корреспондировала обязанность государя «держатъ во всяком их царском милостивом призрени и ото всяких людей... их оберегать, чтоб им никаких обид, и продажи, и убытков, и налогов, и разоренья ни от кого не было». Государь, как носитель суверенитета, должен был не только оберегать своих подданных от внешних угроз, но и поддерживать правопорядок внутри страны. Закреплялось право «иноземцев» «бить челом» на воевод и служилых людей, допустивших в отношении них «насильство» или взятие ясака «не по государеву указу» [Вершинин, 1998. С. 67].

Таким образом, «жалованное слово» можно рассматривать как акт инкорпорации в российское законодательство тех международно-правовых обязательств, которые брали на себя «иноземцы» при шертовании. Но этим значение «слова» не ограничива-

лось. Для сибирских воевод оно являлось образцом для шертной записи, которую им предстояло взять при приведении в российское подданство вновь обнаруженных ими народов Сибири.

Этот образец шертной записи воеводы могли конкретизировать применительно к местным условиям. Например, в «известительной грамоте» верхотурским воеводам по случаю кончины царя Михаила Федоровича и восшествия на престол его сына Алексея Михайловича от 20 июля 1645 г. говорилось: «А будет на Верхотурье в съезжей избе шертовальныя записи нет, или чего в прежних шертовальных записях против нынешней нашей московской записи не написано, и вы б (воеводы. – М. А.) велели написать на Верхотурье, для татарскаго и вагульскаго шертования, новую шертовальную запись, примеряся нынешней нашей московской записи...» [Собрание государственных грамот..., 1822. С. 420].

На практике, узнав о «новой земле», воеводы посылали в нее отряд служилых людей. Глава отряда получал наказ, в котором ему поручалось предложить князю и «лучшим людям», чтобы он «с родом своим и с племенем и со всеми улусными людьми был под государевою нашего царя и великаго князя... всеа Русии высокою рукою в холопстве». Сказав о московском государе, что он «страшен и велик, и многим государствам государь и обладатель, и от его государского ратного бою никто не мог стоять», служилые люди сообщали, что ранее «про их землю... было неизвестно», ныне же они посланы не для ратного боя, а для приведения их в русское подданство [Сборник документов..., 1960; Материалы по истории..., 1970. С. 1067–1096].

Приведение к шерти порождало ряд проблем. Во-первых, московские власти требовали, чтобы к шерти приводились правители сибирских народов, так как исходили из аксиомы монархической формы правления, согласно которой носителем суверенитета являлся монарх [Акишин, 2012]. Но у многих народов Сибири не сложилось государственности. На практике к шерти приводили правителей территориальных политических объединений, глав «родов» и семейных кланов («лучшие мужики»), а иногда просто отдельных «улусных людей», прибывших на переговоры. По мере укрепления своей власти русская администрация стремилась

охватить шертованием всех взрослых мужчин – глав семей.

Во-вторых, многие народы Сибири не имели своей письменности. Поэтому шертование происходило в два этапа. На первом этапе князцы и «лучшие люди» новой «землицы» устно давали шерть служилым людям, посланным воеводой (признание государственной власти на словах). На втором этапе воевода приводил к шерти всех глав родов и семей при своем вступлении в должность, а также при помазании на царство нового российского самодержца (принесение присяги по шертной записи).

В 1630 – начале 1640-х гг. отряды русских служилых людей приводили к шерти якутских князцов. Выполняя предписания наказов, они «рассказывали» якутам о русском царе, призывали их под его «высокую руку» и «государево жалованное слово сказывали». Иногда отряды русских служилых людей встречали вооруженный отпор. С 8 ноября 1630 г. по 9 мая 1631 г. отряд тобольского служилого человека А. Добрынского находился в осаде в построенном им острожке. С сопротивлением сталкивались отряды енисейских атамана И. Галкина (1631, 1634 гг.), сотника П. Бекетова (1632, 1633 гг.), служилых людей Б. Байкшина и П. Ходырева (1636 г.), томского служилого Д. Копылова (1637, 1638 гг.). «Замирить» Якутскую землю удалось только к концу 1630-х гг. [Материалы по истории..., 1970. С. 1080; Иванов, 1999. С. 27–58].

Образец шертной записи для якутов был составлен уже после приведения их в подданство, не ранее 1645 г., т. е. после образования Якутского уезда и назначения воевод. По шертной записи князцы и «лучшие люди» клялись в том, чтобы «быти мне и всему моему роду под ево государевою царскою высокою рукою в вечном прямом ясачном холопстве» и платить ясак «по вся годы без недобору». Заверяли, что не будут переезжать из своих кочевьев в «немирные землицы» юкагиров, бурят, монголов, дауров, вступать с ними в какие-либо сговоры. Обязывались не грабить и не убивать служилых, торговых и промышленных людей, не подстрекать к тому других. Напротив, обещали охранять всех русских от тех, у кого возникнет «какой заговор или измена», выступать заодно с русскими против «немирных людей», биться вместе со всем своим родом, «не шадя головы своей до смер-

ти» [Материалы по истории..., 1970. С. 967–969].

Русское продвижение в Прибайкалье началось в 20–30-х гг. XVII в. Российское подданство населявшие этот регион буряты и эвенки принимали в основном мирно. Так, в 1629 г. сотник П. Бекетов призвал князцов «Кодогоня, да Кульза, да Андая со товарищи... под государеву царскую высокую руку» и привел их к шерти. В 1630 г. атаман М. Перфильев привел к шерти князцов Абакая, Братая, Кодогуня. Некоторые князцы не сразу соглашались на принятие подданства. Так, в 1635 г. булгатский князец Илан (Ойланка) отказался приносить шерть. Окончательно территория Прибайкалья была включена в состав России после основания в 1661 г. Иркутского острога, ставшего административным центром нового русского уезда [Сборник документов..., 1960. С. 18–21, 26–33, 43–44].

Шертные записи с бурятских «князцов», видимо, брали воеводы тех городов, чьи служилые люди собирали с бурят ясак. Так, 14 мая 1641 г. пред якутскими воеводами «братцкой князец Коршун Бурлаев... по своей вере государю шертовал, что ему под государевою царскою высокою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве вовеки неотступно, и ясак государю с себя и с роду своего и с улусных своих людей полно давать учнет по вся годы беспереводно, и иных братцких людей учнет под государеву царскую высокую руку приводить, а которые братцкие люди непослушны будут, и ясаку с себя государю не учнут давать, и он Куршун на непослушных братцких людей учнет государевых людей водить войною». Следует отметить, что эта запись содержала обязательства и на российской стороне: «...за то ему Куршуну будет государево жалованья и от недругов ево будет ему оборонь» [Там же. С. 37].

В Енисейской приказной избе в конце XVII – начале XVIII в. применялся собственный образец шертной записи. Судя по тому, что в ее тексте употребляются слова «братцких людей», запись является текстом клятвы, к которой приводились буряты. Запись начинается словами «я, имярек, даем шерть великому государю... по своей бурсорманской вере» и содержит обязательства «великому государю служить и прямить и добра хотети во всем, и ясак... давати по вся годы безпереводно... и ему великому госу-

дарю не изменять, и над его государевыми служилыми людьми дурна никакова не чинить и не побивать» [Памятники сибирской истории..., 1882. С. 24–25].

В 40-х гг. XVII в. отряды служилых людей В. Колесникова, И. Похабова, И. Галкина и П. Бекетова пришли в Даурию, на территорию Восточного Забайкалья и верховьев Амура. Расселявшиеся в этом регионе племена бурятов и тунгусов в основном мирно приносили шерсть и вступали в российское подданство. Окончательно эта территория вошла в состав России после основания в 1658 г. Нерчинского острога, ставшего административным центром нового уезда Российского государства.

В середине XVII в. началось русское продвижение в Дючерскую и Гиляцкую земли, располагавшиеся вниз по Амуру и в бассейнах Шилки, Аргуни и Амура. Приведение в российское подданство племен тунгусов, дауров, гогоулей, дючеров, натков и гиляков отличалось рядом особенностей: во-первых, осуществлялось при значительном участии промышленных людей; во-вторых, вызвало пограничный конфликт с цинским Китаем.

Инициатива в присоединении Приамурья исходила от якутских воевод. В 1643 г. П. П. Головин снарядил в этот регион экспедицию из служилых и промышленных людей во главе с письменным головой В. Д. Поярковым, которая в течение трех лет прошла Амур до его устья, а затем через Охотское море вернулась в Якутск. В 1649 г. новый якутский воевода Д. А. Францбеков по челобитью торгового человека Е. П. Хабарова разрешил ему организовать экспедицию из «охочих людей» на частный и казенный счет, поставив перед ней политические, дипломатические и исследовательские задачи. С 1650 по 1655 г. весь Амур был присоединен к России, а местное население в основном мирно шертвало на русское подданство.

Летом 1653 г. в Приамурье прибыл из Москвы представитель российского самодержца Д. И. Зиновьев и в торжественной обстановке сказал жалованное слово местным князьям и «лучшим людям». Видимо, после этого владельцы этих народов били челом московскому государю, «чтоб государь пожаловал, своим государевым служилым и охочим людям воевать и грабить их не велел, а они де, иноземцы, государю ясак

с себя по своей мочи платить учнут, и быти под его государскою царского величества высокою рукою в вечном холопстве ради, только б государь пожаловал, велел их оберегать от богдойского царя Андрикана» [Русско-китайские отношения..., 1969. С. 200].

Присоединение к России территории Забайкалья и Приамурья привело к конфликтам с монгольскими тайшами и Китаем по вопросам территориального размежевания и двоеданничества части местного населения, т. е. по вопросам о пределах юрисдикции соседних государств. Кульминационным пунктом этого пограничного конфликта стала агрессия цинского Китая 1684–1689 гг. Одним из формальных поводов для агрессии был вопрос о подданстве князя Гантимура.

Даурский князь Гантимур принес шерсть на российское подданство еще в 1651 г. и «...давал с себя и с роду... волею своего без аманатов соболиной ясачной казны по 5 и по 3, и по 2, и по соболю с человека, а роду ево и улусных его людей будет с 500 человек...». Однако в 1654 г. Гантимур бежал в Китай, где получил чин цзолина, четвертый по значимости в маньчжурских восьмизнаменных войсках, и значительное жалование. В 1667 г. даурский князь вновь вернулся в русское подданство. После этого китайская сторона на протяжении двух десятилетий требовала выдачи Гантимура. В 1684 г. князь с сыновьями принял православие в Нерчинске, а в 1685 г. был вызван в Москву. В дороге он умер, однако его сын был торжественно принят царем и записан в дворяне по московскому списку [Там же. С. 272, 275, 498].

Еще одной проблемой при присоединении Забайкалья к России было сопротивление российской власти сильной монголоязычной группировки табунотов, которая насчитывала до 6 тыс. чел. Нередко в 60–80-х гг. XVII в. табуноты при откочевках в низовья Селенги и к Еренским озерам вступали в вооруженные столкновения с русскими и бурятами. Однако в условиях агрессии цинского Китая в Приамурье они приняли российское подданство. Важно подчеркнуть, что актом принятия их в подданство была не обычная шерстная запись, а «договорные статьи».

Договор с табунотскими сайтами и шуленгами было заключен окольным Ф. А. Головиным 12 марта 1689 г. Родона-

чальники табунотов клялись быть под царскою «высокою рукою в вечном холопстве», прекратить насилия в отношении русских и ясачных людей, бороться с врагами России. Сайты и шуленги обещали платить ясак, поставлять для воинских и других государственных нужд подводы с фуражом и выделять людей для обслуживания подвод. Они присягали не взимать дань в свою пользу с бывших кыштымов, а также прекратить угон у них лошадей и скота.

С русской стороны сайтам и шуленгам гарантировались их владельческие права, административная и полицейская власть задерживать убийц и «зломыслящих» людей, передавать этих лиц местной администрации. Родоначальники сохраняли право суда по нормам обычного права: они должны были «стеречь накрепко», чтобы улусные люди друг другу никаких «обид и налогов не чинили», лошадей и скота «не отгоняли» [Сборник документов..., 1960. С. 331–333].

Конкретно-исторические исследования присоединения отдельных народов Сибири вызвали дискуссию о сущности подданства сибирских «иноземцев». Так, В. В. Трепалов критикует позицию, согласно которой дата принятия подданства тем или иным народом устанавливается «на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или провинциальным российским начальством» и сложившуюся на этой основе традицию празднования юбилеев «добровольных вхождений» этих народов в состав России. Он считает, что «отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному», и предлагает рассматривать присоединение того или иного народа к России не одномоментно, а как длительный процесс [2007. С. 6–7].

Думается, ученый не различает международно-правового акта, которым устанавливалась полная юрисдикция России над какой-либо территорией и населением, с одной стороны, и организации эффективного контроля государством за этой территорией и населением – с другой. Международно-правовой акт шертования на российское подданство порождал право России на полную юрисдикцию над народом и территорией его проживания. В частности, это отражалось в том, что на новых подданных распространялась администра-

тивная и судебная власть России; устанавливалось их ясачное обложение. Совсем иная проблема – эффективность реализации местной администрацией этих правомочий.

Шертование народов Сибири обеспечивалось двумя видами гарантий – собственно клятвой-шертью и захватом аманатов (заложников). Шерть-клятва имела сакральное значение и должна была затрагивать основы мировоззрения лиц, ее приносивших. В наказах воеводам, послам и служилым людям предписывалось приводить «иноземцев» «...к прямой шерти, разыскав подлинно, какая у них вера и на чем они шертуют, чтоб у них никакого обмана и лукавства не было» [Полное собрание законов..., 1830. С. 238].

В отношении тюрков и монголов, у которых русские заимствовали процедуру шерти, выполнить условие истинности религиозной клятвы было достаточно просто. Мусульмане шертовали на Коране, ламаисты – по тибето-монгольскому обряду буддийской веры. Сложнее было установить религиозные верования язычников. Помимо разнообразия религиозных представлений народов Сибири, следует учитывать, что даже у одной народности религиозные культы различались в зависимости от родовой принадлежности.

Религиозные клятвы хантов и манси, проживавших на Северо-Западе Сибири, были чрезвычайно разнообразны и отражали различия в верованиях не только отдельных племен, но и родов. Как установил С. В. Бахрушин, в XVI–XVII вв. ханты, по требованию русских, при шертовании совершали особый магический обряд. Они клали под ель на медвежью шкуру две сабли острием вверх «супротивно», под «жабой берестяной», и привязывали к елке две другие сабли острием вниз. Люди, приносившие шерть, обходили ель под сабли, приговаривая: «по их (русских. – М. А.) праву бог казни» [1955. С. 152].

В начале XVIII в. религиозные клятвы хантов претерпели изменения. По свидетельству Г. Н. Новицкого, ханты шертовали перед медвежьей шкурой, на которую клали нож, топор и другие «страсти орудия». В этой обстановке шертующий повторял слова клятвы, подсказываемые толмачем: «Пусть растерзает меня медведь, пусть топор отрубит мне голову, пусть убьет меня этот нож» и т. д. [1941. С. 54].

Якуты, как установил С. В. Бахрушин, при шертовании пальмою рассекали собаку надвое, «а сам идет в тот промежек и землю в те поры в рот мечет, и говорит с толмачем на том шертовании: буде де он не учнет государю служить, ясаку платить и его де та пальма рассечет так же, что ту собаку рассечет» [1955. С. 65].

Шертная запись бурят содержала следующую клятву: «Нам бы, за нашу неправду, рыбы в воде и зверя в поле, и птицы не добыта, и чтоб нам, за нашу неправду, с женами и с детьми и со всеми своими людьми помереть голодною смертью, и чтоб нам, за нашу неправду, со всем своим животом и скотом напрасно погибнуть, и чтоб нас, за нашу неправду государская хлеб и соль по воде, и по земле не носила; и как по земле поедем, или пойдем, нас бы земля поглотила; а как по воде поедем, и нас бы вода потопила» [Памятники сибирской истории, 1882. С. 24–25].

Второй формой гарантий был захват аманатов из числа «лучших людей» и их ближайших родственников. Порядок «взятия» и содержания аманатов регулировался в воеводских наказах и грамотах Сибирского приказа. Из «иноземцев» предписывалось «князцом или иным лутчим людем по челоуеку или по два из улуса быти у себя в острожке в аманатех по переменам по году или по полугода или помесячно или как пригоже, смотря по тамошнему делу».

Таким образом, шертование было результатом международных переговоров о принятии российского подданства. Шертъ – это сакральная клятва народов нехристианского вероисповедания, заимствованная Россией в отношениях с тюркскими народами не позднее XV в. Шертные записи – это неравноправные международные договоры, которые составлялись российской стороной и подтверждались более слабыми в политическом отношении правителями нехристианских народов. В некоторых случаях, как, например, после переговоров с табунутами о подданстве, шертная запись могла быть заменена «договорными статьями».

Учитывая конкретные политические условия и расстановку сил, Российское государство чрезвычайно гибко использовало шертъ при присоединении Сибири. После принесения шерты на российское подданство международно-правовые нормы, выра-

женные при шертовании, инкорпорировались в национальное право России, что формально выражалось в жалованных грамотах сибирским князьям и клаузуле жалованного слова воеводских наказов.

Важно подчеркнуть, что шертные договоры исходили из признания суверенности сторон, включали взаимные права и обязанности, основывались на принципе добросовестного выполнения международных обязательств. Юридической гарантией соблюдения достигнутого соглашения была сама шертъ и аманаты-заложники. Письменная фиксация шерты в форме записи происходила по требованию Московского государства, составлялась, видимо, только в одном экземпляре на русском языке и была дополнительной гарантией достигнутого соглашения.

Список литературы

Акишин М. О. Проблемы международной правосубъектности при присоединении Сибири к России // Российский юридический журнал. 2012. № 5 (86).

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 464 с.

Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3, ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. 300 с.

Бережков М. Крымские шертные грамоты. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. 22 с.

Вершинин Е. Н. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. 204 с.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 409 с.

Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.

Материалы по истории Якутии XVII в. (документы ясачного сбора). М.: Наука, 1970. Ч. 1–3. 1269 с.

Материалы по фольклору хантов. Томск: 1978. 216 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с., ил.

Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком, 1715 г. Новосибирск: Новосибирск-гиз, 1941. 105 с.

Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. СПб.: Тип. II отд. СЕ-ИВК, 1851. Т. 1: с 1488 по 1594 г. 852 стб.

Памятники сибирской истории XVIII века. СПб.: Тип. МВД, 1882. Кн. 1: 1700–1713. 551, XXXVI с.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отд. СЕИВК, 1830. Т. 3: 1689–1699. 692 с.

Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1977. Т. 33. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1982. Т. 37. 235 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36, ч. 1. 255 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 2000. Т. 13. 544 с.;

Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Наука, 1977. Т. 1. 188 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1: 1608–1683. 614 с.

Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1533–1560. 539 с.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ: Тип. Мин-ва культуры БурАССР. Вып. 1. 1960. 494 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Селивановского, 1822. Ч. 3. 566 с.

Сибирские летописи. Репр. изд. 1907 г. СПб.: Альфарет, 2010. 397 с.

Тадыев П. Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая // Великая дружба. 200 лет добровольного вхождения алтайцев в состав России. Горно-Алтайск, 1959. С. 41–60.

Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.

Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). Якутск: Якут. кн. изд., 1978. 208 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 632 с.

Материал поступил в редколлегию 10.02.2013

М. О. Akishin

SHERT OF THE PEOPLES OF SIBERIA UNDER THE ACCESSION TO RUSSIA

In the paper of the international legal analysis shertovania of the peoples of Siberia in their acceptance of the citizenship of Russia. In the context of shert of certificates and records, the data of Russia's rulers Qasim, Crimea, the Kazan and Astrakhan khanates, Nogai Horde, the Bashkirs, the peoples of Northern Caucasus, considered шертные of ratification of the Siberian Khan Ereniak, Khant and Mansi princes of the XV – XVI centuries. The analysis of shertovania of peoples of Siberia of the Cossacks Ermak. Considered activity of the Embassy of the order on elaboration of the procedure for acceptance in citizenship of the peoples of Siberia and the practice of its application in Yakutia, Buryatia, lake Baikal region, the Trans-Baikal and the Amur region. Is established, that shertovania was the result of international talks on the terms and conditions of the sovereigns of indigenous peoples of Siberia of the Russian citizenship and was sertnii certificates and records – disparate international treaties. In a subsequent international legal obligations of the indigenous peoples of Siberia incorporated into the national legislation of Russia. The analysis of safeguards shert records – shert as sacred oaths and capture аманатов (the hostages).

Keywords: Russia, Siberia, international treaty, shert.